

КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

Лев
Белин

КАМЕННЫЙ ВЕК

НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК

ТРИЛОГИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б43

Серия «Коллекция боевой фантастики»

Дизайн серии
Василисы Сухановой

Иллюстрация на обложке
Андрея Клепакова

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Белин, Лев

Б43 Каменный век: Новый каменный век. Трилогия в одном томе / Лев Белин. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. — 720 с. — (Коллекция боевой фантастики).

ISBN 978-5-17-192713-4

Дмитрий Васильевич Коробов умер уважаемым профессором антропологии, а очнулся в теле израненного юноши посреди тундровой степи, окружённый ледяными горами и пещерными гиенами. Вокруг — суровый первобытный мир последнего ледникового периода, где выживание зависит от личной силы, благословения древних духов и остроты копья. А в его памяти — вся будущая история человечества: открытия и катастрофы, великие прорывы и роковые тупики.

Но знания человека XXI века ещё ничего не значат там, где правит право сильного. Прежде чем пытаться изменить будущее, ему предстоит выжить, заслужить доверие и завоевать своё место у костра.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-192713-4

© Лев Белин, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК

1

Глава 1

Ветер, рождённый на севере, над ледяными щитами великого горного хребта, катился по выжженной стужей тундростепи. Он влёк за собой запах пыли, древнего лежалого снега и вечной мерзлоты в зелёные горные долины. Прокатывался вдоль низинной реки, взбирался по осыпям и склонам, залетал на высокогорные луга.

Он же сейчас касался моей плоти, забирался под шкуры, покалывая кожу. Тело так и норовило содрогнуться, разогреть кровь. Но шевелиться было нельзя. Малейшее движение на этом склоне могло выдать меня.

Я прижимался хребтом к громадному валуну, старался врасти в его шероховатую, покрытую серым лишайником поверхность. Камень ещё держал бедное тепло дневного солнца, но мои пальцы, сжимавшие шлифованное и пропитанное жиром древко дротика с кремневым наконечником, оставались холодными.

Примерно в сорока метрах ниже по скату, на самой окатке каменистой осыпи, окидывал взглядом рубеж владений новый хозяин.

«Вот я тебя и отыскал...» — подумал я, силясь дышать мелко и бесшумно. А глаза неотрывно следовали за золотистым силуэтом.

Молодой самец пещерного льва мерно прогуливался, даже не задумываясь о скрытности. Ему не от кого было прятаться: мало какой хищник решится сойтись с ним в битве, а если противников будет много, он отступит так живо, что останется лишь глотать пыль. И главное — к нему было не подобраться достаточно близко: животные органы чувств работали превосходно. Зрение, слух, обоняние — в радиусе пятидесяти метров не водилось ничего, что могло бы спрятаться от него.

В косых лучах заката его шерсть казалась практически кремовой. У него не имелось той роскошной гривы, что украшает его африканских сородичей в моей эпохе, лишь короткий густой мех, облегающий мощный зашеек и подчёркивающий колоссальную ширину черепа. Он являл собой олицетворение чистой животной силы. Мышцы ездил под шкурой, будто корни разросшегося дерева. Более того, на шкуре не было

ни единого рубца, который мог бы свидетельствовать о минувших поражениях. Совершенная форма, самый пик мощи.

«Больше и сильнее любого африканского льва. Костяк весомее, лапы крупнее. Адаптирован к охоте на мегафауну, — всплывали в памяти обрывки знаний из уже почти позабытой прежней жизни. — Вот он, царь каменного века».

Но я также был в курсе, что этот «царь» — тяжёлый и при этом довольно быстрый хищник равнинных территорий. Масса, что повышала шансы в схватке с мегафауной на открытом пространстве, становилась тяготой на пересечённой местности, среди скал, камней и узких расщелин. И я намеривался обратить его силу в слабость.

За последние семь дней он превратил жизнь моих людей в кошмар. Загрыз двух молодых оленей из нашего стада. И сделал это у самой верхней стоянки, в нескольких десятках метрах от шалашей. Вчера вечером мы обнаружили его следы у реки, в полукилометре от летних шалашей. Он намеревался освоить территорию, что принадлежала нам. Но я не мог позволить ему этого.

«Ну-с, коллега! — мысленно произнес я, не сводя с него прищуренных глаз. — Твои аппетиты я понимаю целиком и полностью. Соперничество за ресурсы — тема мне хорошо знакомая, как и всему роду людскому. И также мне известно, что в результате останется лишь один из нас».

Сейчас, спустя несколько лет, мне казалось немыслимым, что некогда я был совсем не кроманьонским юношей-охотником по имени Ив. Не так уж давно я едва знал, за какой конец держать копьё, а каким тыкать в зверя. Нет, в теории, естественно, знал. Но на практике... И всё оттого, что раньше я был профессором, читавшим лекции о древних общинах, социальной структуре и мироустройстве каменного века. И носил вполне себе обыкновенное имя — Дмитрий Васильевич Коробов.

Рука сама потянулась к груди, притронулась к пожелтевшему волчьему клыку, висящему на плетёном кожаном шнурке на шее. Клык этот был символом моего племени — Белого Волка. И даже если мой рациональный, пропитанный советским образованием разум противился суевериям, тут, среди ледяных скал, мхов и давным-давно исчезнувших могу-

чих зверей, рука так и тянулась к нему, словно ища какой-то поддержки, силы...

«Я непременно вернусь!» — слышались эхом мои же слова, сказанные не так давно на стоянке.

Конечно, мало кто верил, что один мужчина способен выстоять против пещерного льва. Но мы уже пытались загнать его группой. Не раз, и даже не два. Он постоянно уходил от открытого столкновения. В засаду завлечь на незнакомой ему территории также не выходило. Хотя он и был молод, но отнюдь не дурак. И это было проблемой, которую я хотел решить. И, собственно, по этим причинам я пошёл один.

Расчёт строился на его неопытности и территориальной агрессии. Молодняк азартен и склонен верить в свою непобедимость. Матёрый же, умудрённый годами лев даже не взглянул бы в сторону одинокого примата, понимая, что человек — ужин крайне сомнительный: мяса с гулькин нос, да ещё и копыя в арсенале. Однако этот «молодчик» был излишне спесив, чтобы спустить с рук дерзость какой-то безволосой обезьяне.

Пользуясь заслоном из искривлённых сосен, скальных выступов и жухлых кустарников, я начал спускаться. Шкуры на мне как раз были цвета земляной охры вперемешку с сажей и каменной пылью. Каждое движение же делалось лишь тогда, когда шумел ветер, либо птица чирикала, да хоть что-нибудь ещё отвлекало его.

Когда природные укрытия кончились, мне пришлось ползти. И мелкие камни крайне неприятно вонзались в локти и предплечья. Но я был тишайшим, ни пылинки не взвееял. Да и уже зрел свою цель — тесную щель в скалах за его спиной.

Как очутился в данной точке, сразу замер, готовясь морально. В руках я держал костяной атлатль. Это был такой древний «множитель силы». Дротик, брошенный с его действием, бил куда сильнее дротика, отправленного в полёт рукой. Рычаг, ничего удивительного. Недаром ведь всё гениальное просто. Правда, в подлинной истории «хомо сапиенс» изобретут его сильно позже. Буквально через пару десятков тысяч лет. Может, немного раньше. Не суть важно.

Более того, дротик у меня был специальный. Вместо привычного острия древко завершалось кожаным мешком,

наполненным пеплом и едкой пылью. И ещё одним, особым ингредиентом.

Я отклонил локоть назад, занёс руку и рванул!

— Ха! — вылетел из горла хриплый выдох.

Атлатль выстрелил с тихим свистом! Дротик помчался с невероятной стремительностью аккурат туда, куда я хотел! Лев среагировал за долю секунды до встречи со снарядом! Отскочил в сторону — буквально в последний миг!

«Поразительная скорость реакции!» — подумал я, но едва ли огорчился. Даже не удержал лёгкой ухмылки — самыми краешками губ.

Желудочный пузырь разорвался прямо перед носом зверя. Он тут же выпустил облако пыли из пепла, пыли и, главное, порошка из корня аконита. Лев дёрнулся и громогласно чихнул. Тут же сделал ещё прыжок, выбираясь из облака. Его золотистые глаза, сузившись, яростно разыскивали источник угрозы, прыгая по тёмным скалам и расщелинам.

«Это его не прикончит, но затормозит, — понимал я, так как в этом и состоял план. — И прибавит мне шансов выйти из этой схватки победителем. Ну или хотя бы не проигравшим». Я улыбнулся про себя, осознавая, что проигрыш означал смерть.

Я несколько раз глубоко вздохнул и выскользнул из укрытия на обнажённое место. Промчался десяток шагов, умышленно открывая спину. И, разумеется, он заметил.

— Ра-а-а-ар-р-р!!!

По долине разнёсся разъярённый рёв молодого хищника! Он кинулся с места и начал набирать скорость с пугающей быстротой.

— Давай, за мной! — хрипнул я и бросился к скалам.

Я повёл его по дуге, используя любую природную преграду и невыгодный рельеф. Забегал за валуны, нырял под низкие навесы, вынуждал его тормозить и терять инерцию на крутых заворотах. Но на входе в тесный скальный коридор фортуна от меня отвернулась. Кожанный мокасина соскользнул на живом камне, скрытом под слоем мха. Правая нога ушла в сторону, в голени неприятно чавкнуло, и я со всего маху рухнул на камни, покотившись под скальный навес.

Пыль забила рот! Воздух вышибло из лёгких!

— Хра-а-а!

Он увидел, что я ранен, и издал торжествующий рёв! А затем прыгнул!

Мой мозг отключился на несколько мгновений, словно кто-то щёлкнул тумблером. Я лишь чувствовал смесь ужаса и адреналина и видел летящую тушу огромного льва, желающего разорвать мне глотку. Мне показалось, что я способен рассмотреть каждую деталь на его безгривой голове, его жёлтую радужку, острые клыки и даже шероховатый кошачий нос.

Тело начало действовать без моего участия! Одним движением я вонзил один край атлатля в щель скального навеса, а другой — в землю перед ногами. И следом туша льва врезалась в эту распорку.

Бам! Хракх! Древко тут же переломилось. Острый край едва не угодил мне в глаз, я только в последний миг успел отвести голову. И как по заказу у кончика носа пронеслись тёмные когти. Но по инерции льва отбросило ниже по склону, он покатился по каменистой осыпи обратно к реке.

— Ещё не всё! — прорычал я скорее самому себе и вскочил на ноги.

Лодыжку тут же пронзила резкая боль. Я аж скривился. Но перепачканный в пыли лев уже поднимался, и глаза у него были злющие! Я стиснул зубы покрепче и побежал. Расстояние между нами сокращалось. Мне казалось, что я ощущаю его дыхание на шее. Топот лап набатом бил по ушам. Но впереди уже показалась метка из трёх плоских камней, сложенных друг на друга.

«Ещё немного! Ещё чуть-чуть!» — судорожно думал я.

На последние несколько метров я собрал все силы, что у меня остались... И прыгнул! Пронёсся над линией камней, над насыпью хвои и мха! Ощутил удар о твёрдую землю, обрадовался и кубарем закатился вбок, в подготовленную нишу.

«Давай же!» — вспыхнула мысль.

И ослеплённый азартом и гордыней пещерный лев влетел на замаскированный настил. Разлетелся треск ломающегося хвороста, взметнулись иглы сухой хвои. А следом туша опрокинулась в яму, и мне в уши ударил пронзительный, полный боли и обиды визг вперемешку с рёвом.

Ловушка схлопнулась. Я выполз из своей ниши, лёг на живот и осторожно, медленно подобрался к яме. Обожжённые деревянные колья не сумели убить льва сразу. Один прошил бедро насквозь, другой разорвал брюшину, а третий пробил грудь в области лёгких. Он ещё бился, даже насаженный на колья, а прекрасная золотистая шкура постепенно темнела от крови и грязи.

«Опытный лев никогда бы не оказался в такой ловушке. Но ты... ты был слишком молод и неопытен. И твоя главная ошибка... это недооценивание людей», — думал я, смотря на него. Этот урок стоил ему жизни. И мне, признаться, было жаль это прекрасное создание.

— Прости, — тихо сказал я, отдавая должное зверю.

Я взял тяжёлое копьё с широким листовидным кремневым наконечником и обошёл яму. Встал там, где он никаким образом не смог бы до меня достать. На секунду — его последнюю секунду — наши глаза встретились. И в его взгляде не было мудрости царя, лишь паника сильного зверя в ловушке. И, наверное, ужас перед коварством и хитростью человека.

Каменный наконечник вошёл точно под лопатку, туда, где было его сердце. Я желал даровать ему быструю смерть. Это единственное, что я мог себе позволить. Тело льва содрогнулось в последний раз и затихло навсегда. Я сел на холодный, покрытый лишайником камень у края ямы.

«А ведь когда-то я должен был всего-навсего читать лекции студентам... — вспоминал я нечто, казалось бы, уже ускользающее от меня. — Стоять у кафедры, водить указкой по экрану с изображением какой-нибудь резной Венеры. И только мечтать увидеть нечто подобное воочию...»

Я посмотрел на огромное, ещё тёплое тело в яме, а затем — на вершины гор, закованные в лёд.

«Кто же мог подумать, что и такие мечты способны исполняться...»

Глава 2

Я прикоснулся к тёмному дереву отполированной до блеска кафедры. Её блеск — свидетель десятков, сотен студентов, внимавших здесь лекциям ещё до тех, кто сейчас сидел

предо мной. И, к слову, зал был полон. А я ведь думал, что антропология уже покрылась затхлой пылью и интерес к ней угас. Сейчас так и трещат про роботов, программирование и нейросети. Детишек всё меньше интересуют динозавры, каменные копыта и жизнь тех, кто был до нас.

«По крайней мере, у этих вроде глаза блестят. — Я сощурился, глядя на молодёжь. — Не у всех, естественно. Ну а чего? Не думал же ты, Дмитрий Васильевич, что в сказку попал? От тебя-то и требуется дать ту самую искру».

Как принято, на первых рядах сидели самые прилежные. Тетради открыты, осанка ровная, а рука словно вот-вот потянется к потолку. Позади же, на самой галёрке, те, кто пришёл «деда послушать». Их типажи были мне известны. Собственно, они не менялись на протяжении десятков лет. И, как всегда, требовали каждого считать индивидуальностью... Ох, куда уж там, простите...

На экране по левую руку замер последний слайд с изображением «Венеры из Холе-Фельс». Следом я выключил проектор, и наступила тишина. И я уже знал, что такая приходит лишь перед тем, как эта самая «индивидуальность» начнёт вырываться наружу. И сильнее всего у тех, кто так и грезит «переспорить деда».

«И-итак... — я представил барабанную дробь. — Поехали!»

— Ну что же, коллеги, — заговорил я, и голос мой вышел твёрдо и ясно, без характерного для моего возраста старческого дребезжания. Он заполнил зал, прокатился вдоль рядов внимательных ушей. — Пусть и бегло, но мы прошли по материалу о последнем в современной истории ледниковом периоде. — Я слегка приподнял ещё даже не дрожащие руки. — И что мы узнали? — Я немного дёрнул уголками губ. — Если холодно и сухо: неандертальцы отправились на юг, а кроманьонцы пришли на север. Мегафауна всё ещё бродит по земле, а человек ещё даже не приблизился к оседлому образу жизни. Интересно, не так ли? Потому объявляю антракт для вопросов открытым! И уверен: в ваших светлых головах зреют вопросы куда занимательнее моих схем... — кинул я «кость».

«Та-а-ак... — сощурился я. — И кто же будет первой жертвой?»

Мой взгляд прокатился по лицам, пока не остановился на одном. Конечно же! Взметнулась рука Серёжки Беликова, сидящего впереди, прямо напротив меня. И видно было — не дурак, но учиться не хочет. А вопрос задаёт, чтоб эго потешить. В голове-то мозги есть, но использовать их лень. Именно про таких говорят: «Умный, но учиться не хочет». Ну ничего, такое мне по душе!

— Профессор, — начал он, намеренно сделав длинную паузу, — вы постоянно говорите, что они были равны с нами в когнитивном плане. Представим, что ребёнка из палеолита приняли в условно интеллигентную современную семью... Ему бы далась высшая математика? Или всё же его нейроструктуры были настроены на примитив?

«Примитив... т-ц! — эхом отозвалось это намеренно уничижительное слово. И тут же где-то внутри начала зарождаться усмешка. — Если так подумать, то я и сам в каком-то плане примитив».

— Сергей, Сергей... — Я покачал головой. — Такое естественное, почти регулярное желание устроить предку ЕГЭ, ОГЭ и сессию.

Этот вопрос был одним из моих «любимчиков». Задавали его с изрядной регулярностью.

— Что же... С точки зрения биологии — никаких препон.

Несколько пар бровей тут же поползли вверх. Ага, «нейроструктуры» мы знаем, а «препон» — это вам уже другой конструкт.

— А факты? Имеются ли доказательства?

— Конечно! — воскликнул я. — Без доказательств сейчас никуда, да и с ними иной раз не пустят! Ха-ха! Давай начнём с того, что в среднем их мозг был даже больше, чем у нас.

Уточнять, что он у нас уменьшается, я не стал.

— У них имелся всё тот же ген FOXP2, что отвечает за нашу речь.

И меня, как бы я ни старался, всё коробило от необходимости сравнивать две группы, которые как бы... всё-таки один вид.

— Кроманьонец эпохи верхнего палеолита по когнитивным возможностям никак нам не уступал. — Я мягко

ухмыльнулся. — Примера ради: дети из условно отсталых и изолированных племён при усыновлении в современную семью успешно осваивают языки, науки и всё прочее, что диктует наша культура. Их мозг совершенно такой же, как у нас. И это при том, что их предки десятки тысяч лет жили в каменном веке, а некоторые народы сохраняли подобный уклад до совсем недавнего времени.

Но Сергей не намеревался сдаваться:

— Почему же тогда каменный век длился такой долгий период? Почему они не освоили земледелие и животноводство? Что помешало создать письменность, металлургию и промышленность?

Так и хотелось сказать: «И швец, и жнец, и на дуде игрец» и «Своя ноша не тянет». Но ныне дети понимают только сухой язык науки, а не изречения пращуров.

— Ничего, — пожал я плечами. — А зачем? — спросил я, словно руководитель пресс-службы «АвтоВАЗа».

— Ну...

— Давай так... Представь, что у тебя имеется мощнейший процессор. Но ты ставишь на него операционную систему, написанную для анализа следов на влажной глине, предсказания путей следования табунов тарпанов, предсказания погоды. Будет ли этот процессор работать?

— Эм... Да, — неуверенно ответил он, словно ища подвох.

— Именно! — воскликнул я, но тут же постарался взять себя в руки. — Он будет работать. И не просто работать — он будет справляться с этими задачами блестяще! Ведь именно для них он создавался, точнее... настраивался десятками, сотнями поколений.

Я подошёл к доске и нарисовал простую схему.

— Представим, что это мозг кроманьонца. — Я обвёл круг. — Он вовсе не пуст, а как раз наоборот — заполнен до самых краёв. — Я поделил мелом круг на сегменты и начал делать простые пометки. — Пища. Охота. Лекарства. Погода. Навигация. Технологии. И прочее!

Так я пытался наглядно показать, что кроманьонец, да даже и неандерталец, не были столь узколобыми, как их рисует массовая культура. И уж точно не мычащими существами с дубиной. Этот миф я собирался развеять прямо сейчас!